

А.П. ТИХОМИРОВ

**РЕЖИМ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ДОВЕРИЯ:
СОЗДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И ГОСУДАРСТВОМ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1917–1941**

**Реферат статьи: Tikhomirov A.P. The regime of forced trust:
Making and breaking emotional bonds between people and state
in Soviet Russia, 1917–1941 // The Slavonic and East European Re-
view. – N.Y., 2013. – Vol. 91, N 1. – P. 78–118.**

Статья А. Тихомирова описывает общество недоверия, сложившееся в советский период и ставшее одной из причин продолжительного существования советского строя. Автор раскрывает, как менялись отношения между государством и советскими гражданами на примере писем граждан, направленных лидерам и госорганам.

Ученый полагает, что именно монополия на определение и распространение зон доверия и недоверия обусловила стабильность и продолжительность существования СССР. Такой режим принудительного доверия позволил: 1) персонифицировать политику, 2) создать каналы для коммуникации с лидерами «лицом к лицу», 3) избавиться от гнетущего чувства недоверия среди индивидов, 4) добиться доверия партии, которая гарантировала безопасность, а также материальные и символические ресурсы.

Трактовки понятия «доверие» обычно предполагают, что его не может быть там, где есть принуждение и насилие. Доверие необходимо для функционирования общества, поскольку оно: 1) га-

рантирует стабильность и прогресс, 2) способствует интеграции и кооперации, 3) дает чувство защищенности и т.п. С другой стороны, нельзя определять понятие «недоверие» исключительно как антоним «доверия», поскольку оно обладает той же функцией упрощения социальной реальности. Ссылаясь на П. Штомпку, автор отмечает, что «культура недоверия» включает в себя: 1) парализованность человеческого фактора в общественных отношениях, 2) эрозию социального капитала, 3) рост враждебного настроения, стереотипов и слухов, 4) поиск индивидом иных идентичностей, зачастую криминальных – что в большой степени описывает советское общество. А. Тихомиров полагает, что советское государство не могло существовать без «недоверия». Недоверие, ставшее основой советского общества, позволило практиковать включение и исключение индивида из групп, разделять людей, вынуждая их существовать в эмоциональном режиме принудительного доверия партии и лидерам. Общество недоверия мобилизует людей в интересах государства с помощью негативного образа «врагов народа», люди перестают доверять своему окружению, а также государственным институтам. «Культура недоверия» создает новую модель общественных отношений, заменяя законы и институты на персонифицированные патрон-клиентские отношения. Недоверие к государственным институтам привело к феномену принудительного доверия государственным лидерам, таким образом само доверие становится персонифицированным. Изначально люди обращались как к советским лидерам, так и в различные госорганы, однако неэффективность бюрократического аппарата привела к тому, что чаще стали использовать персонифицированные каналы коммуникации.

Организация общества и государственного управления в советский период включала в себя как современные практики, так и более ранние по своему характеру, например, бóльший авторитет неписаных правил, чем закона. Такая двойственность привела к тому, что доверие и лояльность стали тесно связаны друг с другом. У советских граждан не было альтернатив, им приходилось существовать в условиях абсолютного права партии на создание и объяснение социальной реальности, они были вынуждены добиваться партийного доверия и лояльности ради самосохранения. Государство со своей стороны стремилось создать новый тип бдительных граждан, которые могли бы сами вычислять «врагов народа».

Введение продовольственного налога в 1921 г. привело к тому, что дискурс доверия / недоверия стал одним из ключевых для коммуникаций между народом и партией. Среди причин его возникновения: 1) ожидание исполнения большевиками их программы, 2) популяризация концепта в медиа, 3) политизация концепта в речах и трудах лидеров, 4) проявление концепта в социальных практиках (как, например, партийный билет, который становился индикатором высшей степени доверия режима). Термин «доверие» использовался народом и ранее, но в советский период термины «доверие» и «недоверие» становятся центральными. Понятие «народ» заменяется понятием «советские граждане», таким образом, государство показывает, что у каждого человека есть как права, так и обязанности по отношению к государству.

Ленин видел новый общественный порядок как «дисциплину доверия», противоположность капиталистического общества недоверия. Большевистское понимание термина «доверие» включало в себя сильные эмоциональные и моральные связи, которые объединяют доверяющих людей и тех, кому доверяют. Именно доверие советских граждан порождало высокий авторитет политических лидеров и легитимировало политический строй. В дореволюционный период существовали традиционные институты, которые продуцировали доверие между людьми. К ним можно отнести круговую поруку, т.е. коллективную ответственность, а также институт деревенских старост. Крестьяне доверяли старостам как известным и авторитетным людям. Идея персонального доверия наиболее интенсивно проявлялась в безусловном доверии царю-батюшке. Институт советских лидеров стал новым институтом доверия, который был необходим после уничтожения традиционных. Хаос и беспорядок постреволюционного периода вынудил советских граждан обратиться с помощью писем к «новым старостам» в лице политических лидеров и госорганов. Коммуникация с представителями власти через написание писем казалась наиболее эффективной и приносила чувство защищенности, в отличие от контактов с безликими государственными институтами. М.И. Калинин воспринимался как «староста» всего государства, он исполнял роль покровителя, помощника и просто сочувствующего, что сделало его популярным среди крестьян. Калинин получал тысячи писем от людей, для которых последней надеждой была личная встреча с защитником советских граждан.

«Драматургия доверия», которую граждане использовали при написании писем, позволяла создать «доверительный» фон и считалась эффективным способом коммуникации с лидерами. Главными социальными ролями общества «недоверия», сложившегося в советский период, были «свои», которым можно доверять, и «чужие», не заслуживающие доверия. Авторы писем относили себя к определенной социальной группе, которая, по их мнению, была «своей» – сироты, матери, крестьяне и т.п. По содержанию письма можно разделить на две категории: письма «просителей» и письма граждан. Обращения «мужиков» и «баб», как называли себя крестьяне, чаще относились к первой категории и были схожи с традицией обращения за помощью к авторитету – старосте. Граждане же писали о системных проблемах и недостатках, они стремились выстроить отношения с государством, четко определяя взаимные права и обязанности. Однако большая часть писем исходила именно от крестьян, основная просьба которых заключалась в замене «ставленника» власти в регионах на «своего» – т.е. возвращения института старосты и возможности личного доверия.

Письма режиму были чаще индивидуальными, чем коллективными, что показывало стремление человека наладить доверительные отношения с окружающей реальностью. Более того, на большей части писем было имя и адрес отправителя, значит, желание получить ответ превышало страх возможных негативных последствий. Для расположения лидеров в письмах использовались уважительные приветствия, указание на прошлую социальную роль адресата, а также краткая автобиография. Все это, и в особенности автобиография, позволяло создать эмоциональную связь, показать свою любовь и уважение к советским лидерам. Упоминание личного знакомства с адресатом иногда приводило к решению проблемы с помощью его влияния и личных связей. Несмотря на то что такие ситуации случались довольно редко, они наилучшим образом демонстрировали высокую эффективность персонального обращения к советским лидерам по сравнению с воззваниями к безликой государственной машине. Кроме того, адресанты часто просили сделать для них исключение из правил, что демонстрирует абсолютную власть лидера и партии и неэффективность государственных институтов.

Большинство писем поначалу оставались без ответа. Такая ситуация вызывала гнев и недовольство, в особенности среди сол-

дат и ветеранов войн, однако уже в мае 1919 г. был создан специальный Комиссариат жалоб и заявлений. В то же время множество писем приходило и в «приемную Калинина». Таким образом государство разрабатывало механизм взаимодействия с населением, который стал одним из главных инструментов легитимации и стабилизации режима.

Большевики использовали в своих интересах сакрализацию центральной власти, списывая все ошибки на некомпетентность и коррупционность местных властей, что усилило вертикаль власти, доверие лидерам и увеличивало количество писем, предназначенных для центральной власти. Можно выделить два ключевых индикатора режима «принудительного доверия»: 1) сакрализация центральной власти через негативный образ региональных властей, 2) создание образа советских лидеров как защитников и спасителей.

Главным индикатором атмосферы недоверия, широко распространившейся в конце 1920-х годов, была вера в существование врагов советского режима. Поиск врагов среди своего окружения был главным доказательством верности партии и «большевистской бдительности». Репрессивная политика исключения групп населения из зон доверия заключалась во введении термина «лишенцы», т.е. лишённые избирательного права граждане. Лишенцы подвергались гонениям не индивидуально: от преследования страдала вся семья — детей исключали из школ, матерям не платили пенсии. Лишая семьи личного пространства, государство демонстрировало свое стремление перенести центр продуцирования доверия из семьи в государство.

В 1930-е годы государство пыталось монополизировать производство генерализированного доверия, создавая образ «большой семьи братских народов», основанной на иерархических и патерналистских отношениях «отца» (Сталин) и его «сыновей» (советские граждане). Семейные связи становились все более слабыми, уступая новому «политическому родству», которое связывало людей определенными эмоциями, языком, идеологией. Популяризация мифа о Павлике Морозове показывает пример превосходства государственного родства над семейным.

Жизнь советских людей с 1920-х по 1930-е годы была непредсказуема и опасна, поскольку государство репрессировало даже борцов за революцию. Такая атмосфера недоверия привела к росту страха и мнительности среди советских людей, и для некоторых единственным выходом казалось самоубийство. Однако для

государства суицид был демонстрацией недоверия советскому строю, возможно, поэтому письма с угрозой самоубийства получали эмоциональный ответ. Государство не могло позволить гражданину обрести автономию: с помощью ответных писем лидеры старались предотвратить самоубийство как индивидуалистический и антигосударственный акт, а также продемонстрировать монополию государства на тело человека.

Всеобщее недоверие первых пяти лет советского периода привело к росту негативных эмоций среди населения. Чтобы избежать возможных последствий, в начале 1930-х годов был создан новый «эмоциональный курс»: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Счастье стало официальной эмоцией советских граждан, при этом, с одной стороны, существовало «общество счастья», создаваемое партией, с другой – тоскливая повседневная жизнь, которая практически не изменилась. С этого момента советский гражданин перестает быть революционером-аскетом и начинает потреблять и получать удовольствие, владеть недвижимостью, быть культурным и образованным. Так создается новый образ советского человека, полного счастья и радости в жизни. Перемена эмоционального курса заметна в письмах во власть – в них появляются просьбы о помощи в достижении счастливой жизни. В письмах использовались эмоциональные клише режима, с помощью которых авторы пытались выразить свои переживания. Авторы писем перестали быть «просителями» или «гражданами» и стали «восхвалителями», что позволяло им установить эмоциональную связь с режимом, добиться доверия партии и лидеров.

Проведенный анализ позволил автору статьи прийти к выводу о связи изменений режима с эволюцией характера писем: в начале преобладали письма от «граждан» и «просителей», а затем, после персонификации политики и установления культа Сталина, появились письма «восхвалителей». Государство устранило традиционные связи внутри семьи, заменив их на эмоциональные связи с партией и лидерами, распространило свою власть и контроль не только на публичную сферу, но и на частную. Советское государство создало «нового человека» – бдительного советского гражданина, – и установило контроль за эмоциональной жизнью человека, транслируя «правильные» официальные эмоции.

К.А. Стрельникова, Е.В. Ларина